

ВСПОМИНАЕМ НЕУХОДЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

Это было сорок лет назад...

Из записок британского активиста Amnesty International

В чём я только не участвовал, когда был моложе. Я был политическим активистом. Я вступал в каждую приглянувшуюся мне организацию, а потом был доволен собой, полагая, что тем самым помогаю изменить мир. Когда и этого показалось мало, я записался в местные организации, отчего был доволен собой в ещё большей степени. У меня были маленькие дети, и жил я в отдалённой деревне; но, в общем-то, однажды осознал, что на самом-то деле ничего я не делал. Это было сорок лет назад. Я тогда предпринял определённые усилия и сумел несколько раз собрать местную группу «Международной Амнистии», но понял, что этого недостаточно. Я по-прежнему не занимался ничем серьёзным, а мне хотелось настоящего дела! Потом я узнал, каким образом «Амнистия» организует отправку писем. Местные активисты «Амнистии» курировали одного узника совести, но на тот момент дело «закреплённого» за ними узника находилось на стадии изучения. Единственным выходом было отыскать своего собственного подопечного.

Им оказался русский священник-баптист из Ростова-на-Дону, который отбывал три года в лагере за незаконное проведение церковных служб в лесу. Так началось дело, на которое ушли несколько последующих лет моей жизни. Оба моих старших ребёнка по средам брали уроки фортепиано, и эти два часа у меня уходили на то, чтобы сочинить письмо. На следующее утро я шёл на почту и отправлял заказное письмо со уведомлением о вручении и с предоплаченным бланком для ответа.

О чём я писал? Что можно написать человеку, которого ты не знаешь; человеку из мира, который и представить себе не можешь, хотя и прочёл о нём всё, что попадало под руку? Так что я писал на красивой почтовой бумаге о буднях молодой семьи из английской деревни. Не знаю, дошло ли до Петра хоть одно из моих писем. Но я был уверен в том, что их всех доставляли в лагерь, где он сидел. Я предположил, что Петру их не передавали, и стал писать ещё и для охранников и для того канцелярского работника, который подшивал их к делу Петра. Когда Петра выпустили, и я получил свою открытку со словом «выбыл», я прекратил писать в СССР.

Моим следующим подопечным стал лидер чилийских студентов-коммунистов Леонардо, дожидавшийся суда под стражей. Против него сфабриковали обвинения, связанные с огнестрельным оружием. На этот раз всё было немного по-другому. Я писал не в тюрьму, а его матери, которая украдкой приносила письма во время своих посещений и, к великой моей радости, тайком выносила ответы Леонардо и пересылала их

мне. Переписка длилась несколько лет. Потом состоялся суд, его приговорили к сроку лишения свободы, который оказался меньше того времени, что он уже провёл под стражей. Система правосудия Чили была так устроена, что ему оставалось лишь уехать за границу. В Мексике ООН выдала ему документы беженца, а Бельгия согласилась его принять. И вот человек из другой части земного шара оказался всего-навсего с противоположной стороны Ла-Манша! Было совсем нетрудно пригласить его к себе погостить и организовать ряд встреч с активистами «Амнистии» и квакерами.

Я думал, что эти встречи принесут мне удовлетворение. Но на самом деле я испытывал чувство вины за то, что как бы заставлял его ворошить воспоминания, которые он уже успел похоронить. Он подробно описывал, как его пытали на допросах. У меня до сих пор на глаза наворачиваются слёзы. Я представить себе не могу, как можно пройти через такое и при этом остаться тем любящим, полным сострадания человеком, с каким мне довелось встретиться, и который стал моим другом.

Леонардо выстраивал новую жизнь в Бельгии, и мы продолжали с ним видеться. Он заново женился, получил новую профессию, преуспел и поговаривал о том, чтобы вернуться однажды домой, в страну, которая станет демократической. Десять лет назад, к моему глубочайшему сожалению, я узнал о его кончине, прочтя одно из самых прекрасных писем о любви в своей жизни. Он умер на руках у своей жены от сердечного приступа. Сердце не вынесло перенесённых страданий.

На месте любого из этих двоих мог оказаться и я. Мы были ровесниками.

Питер Дайсон

Повсюду власти нас «любят»

- «Международная Амнистия неоднократно гнала и по-прежнему осуществляет это бесстыдное занятие. По сути это – необузданные и злостные плоды их воображения» – *Байрон Стаматополос, зам. пресс-секретаря Правительства Греции, 1973*
- «Международная Амнистия... шантажировала более 100 народов во всем мире...» – *Президент Уганды, 1975*
- «... разочаровавшиеся в жизни старухи и молодежь...» – *Генеральный прокурор Кении, 1977*
- «Очевидно, что основанием обвинений со стороны Международной Амнистии являются-

- ся неверные сведения о юридических нормах и реальных событиях в Федеративной республике» – *Курт Ребманн, генеральный прокурор по публичным обвинениям, в ответе на письмо Генсекретаря МА Томаса Хаммарберга с требованием прекратить преследование примерно 200 лиц, 50 из которых содержались в заключении, поддержавших голодовку городских «партизан», июнь 1981*
- «Обвинения правозащитников из Эмнести Интернейшнл в том, что в Западной Германии преследуют и подвергают тюремному заключению за политические убеждения – необоснованы!» – *из заявления офиса Федерального прокурора ФРГ, 1981*

- «...кажется, что МА больше занята атакой на власти, чем защитой жертв преследований. В то время, как науськиваемые коммунистами и подготовленные на Кубе герилльеры терроризируют и убивают не одну тысячу людей, МА хранит странное молчание – или публикует протесты против властей, которые борются с партизанами далеко не лучшими способами» – *обозреватель Ральф де Толедано, газетный синдикат Лос-Анжелеса, июль 1981*
- «... оружие коммунистической пропаганды...» – *Премьер штата Куинслэнд, Австралия, 1981*
- «... она даже не старается скрыть свой подлинно просоветский характер...» – *Правительство Гватемалы, 1981*

Владимир Буковский свидетельствует...

(из книги «И возвращается ветер...»)

...Но

теперь уже и Институт Сербского ничего поделывать не мог: две больницы, одна за другой, признали меня здоровым. К тому же, ...мое дело стало приобретать широкую огласку за рубежом, и Институт Сербского предпочел «воздержаться». Была в моем деле одна юридическая сложность, которой они и воспользовались. Формально я не был арестованным, обвиняемым или хотя бы подозреваемым – против меня не было возбуждено уголовного дела. Поэтому, с юридической точки зрения, Институт судебной психиатрии не мог меня экспертировать. Не мог обсуждаться вопрос «вменяемости», поскольку я ни в чем не обвинялся. Таким образом, формально не отказываясь от экспертизы, Институт Сербского просто запросил в КГБ обвинительные материалы против меня для изучения и решения вопроса о вменяемости. В КГБ же, сколько ни крутились, представить ничего не могли – они не были готовы к такому повороту событий. Слишком понадеялись на свое всеисилие и мое очевидное сумасшествие.

Тем временем я продолжал сидеть в Институте Сербского и ждать, чем же кончится это странное дело. Даже сам профессор Лунц – всеисильный Лунц, загнавший в сумасшедшие дома по приказу КГБ не одну тысячу здоровых людей, – был в недоумении и меня же спрашивал с любопытством: – Ну, что же с вами дальше будет?

Не знаю действительно, чем бы это все тогда кончилось, – может, так бы и сидел в Институте Сербского до сих пор. Скорее всего, конечно, прислали бы еще одну комиссию, уже целиком состоящую из сторонников «вялотекущей шизофре-

нии», и сейчас то, что осталось бы от меня, находилось бы где-нибудь в Ленинграде или, с глаз подальше, в одной из открытых за это время провинциальных спецбольниц. Но дело успело приобрести слишком широкую огласку.

По поручению «Международной Амнистии» в Москву приехал английский юрист г-н Эллман и обратился к директору Института Сербского Морозову с просьбой принять его. Он также просил о встрече со мной... Не знаю, что думал во время этой беседы г-н Эллман, ход же рассуждений Морозова легко себе представить.

Он почему-то вовсе не удивился, что какой-то иностранец требует у него отчета, даже не счел это «вмешательством во внутренние дела».

– Буковский? – переспросил он, наморщив лоб. – Не помню. Надо посмотреть, есть ли у нас такой больной, – и принялся перебирать бумажки на столе. – Ах да, правда. У него нашли шизофрению, но лечение ему очень помогло. Мы его скоро выпишем.

Так внезапно прервался восьмимесячный научный спор о моем психическом состоянии. Ни справок, ни объяснений, ни извинений. Помилуйте, кто вас держал? Это вам просто померещилось.

И только еще месяца три после моего освобождения продолжали приходить матери из различных инстанций прокуратуры запоздалые ответы: «Оснований для жалоб не усмотрено. Следствие проводится с соблюдением всех правовых норм. Ваш сын изолирован в соответствии с законом».

И, глядя на привычно суетливую Москву, я не мог избавиться от ощущения

нереальности. Воистину мы рождены, чтоб Кафку сделать былью.

А через полгода я опять был в тюрьме, в своем родном Лефортове с его призраками совести и вечными ночными муками. Всего-то полгода удалось мне продержаться на воле – шесть месяцев отчаянной гонки: скорее, скорее, успеть как можно больше, пока не взяли. И опять, перебирая в уме эти полгода, я досадовал на свою медлительность и неповоротливость.

После истории Тарсиса и дела Синявского и Даниэля Запад впервые заинтересовался реальным положением вещей у нас. Приоткрылся лишь самый краешек завесы, но даже это небольшое вызвало шторм возмущения. Что же будет, если они увидят все?

Нельзя было дать заглухнуть этому интересу, утихнуть возмущению, позволить снова опуститься железному занавесу глухоты. Впервые мы воочию увидели в силе гласности, видели страх и растерянность властей. И пусть пока что возобладали высокомерие и упрямство – ущерб властям был нанесен колоссальный. Надолго ли хватит им этой саморазрушительной наглости?

Впервые и у нас, в нашем мертвом обществе, возник зародыш общественного мнения. На наших глазах началось движение в защиту прав гражданина. И – надо было спешить, не дать ему заглухнуть.

Однако и власти не оставили своих намерений возродить то, что принято называть сталинизмом. Видимо, стремясь отыграть за свою неудачу, а главное – припугнуть осмелевших граждан, они срочно «готовили новые репрессии».

Советская пропаганда против Amnesty International

Через четыре месяца после опубликования ежегодного доклада Amnesty International за 1980 г. об узниках совести в СССР в «Известиях» появились две объемные статьи «Кого защищаете, господа» и «Без масок», в которых говорилось:

«Руководство «Эмнисти Интернешнл» уже не первый год полностью находится на содержании империалистических секретных служб, в первую очередь, американских, верно служит их интересам.

Если раньше «Эмнисти Интернешнл» старалась создать хотя бы видимость объективности и ханжески сетовала по поводу нарушений прав человека в мире капитала, то теперь отброшена прочь эта примитивная маскировка. Ни одного осуждающего слова не сказано в адрес США, совершающих разбойные акции против Ирана и других стран Персидского залива. Преступления израильских агрессоров против палестинцев и других арабских народов, разгул террора в Сальвадоре, кровавый режим, сохранный английскими властями в Ольстере, потрясшие мир побоища в Майами и негритянских гетто некоторых других американских городов, избиение мирных жителей южнокорейскими карателями в Кванджу – все это замалчивается «Амнистией».

И сегодня саботаж против СССР, включая засылку агентов и враждебной литературы, составляет важную часть деятель-

ности «Эмнисти Интернешнл». Члены секций «Амнистии» в США, Англии, ФРГ, Швеции и других странах направляют анонимные письма в нашу страну с именами так называемых «узников совести», якобы репрессированных в СССР».

Государственная радиостанция «Москва», комментируя эту статью, добавила: «Роль координатора в массовой пропаганде против СССР принадлежит «Эмнисти Интернешнл». Нити этой организации с центром в Лондоне тянутся к американским, британским и израильским секретным службам, к антисоветским центрам в ФРГ и реакционным американским профсоюзам». (Обзор передач в мире, Би-Би-Си, август 1980 г.)

В марте 1981 г. после дальнейших нападков на Amnesty International в «Известиях» узник совести, отбывающий наказание в советской колонии строгого режима, написал открытое письмо в защиту Amnesty International. Владимир Осипов, осужденный за редактирование двух нелегальных журналов к 8 годам исправительно-трудовых работ, напомнил, что психологическая кампания против осужденных в лагерях сопровождала «идеологическую кампанию» в прессе. Он сказал:

«[Недавние нападки являются] возмездием за твердую моральную независимость Амнистии и отказ подчиниться какому бы то ни было политическому давлению».

Из «AI in Quotes», Amnesty International Publications, 1985

Деятельность советской группы «Международной Амнистии» продолжается

Из бюллетеня «ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ» (1975 год)

Помимо ареста основателя советской группы МА Андрея ТВЕРДОХЛЕБОВА 18 апреля 1975 года в тот же день были проведены обыски у председателя советской группы организации «Международная амнистия» Валентина ТУРЧИНА и членов этой группы Владимира АЛЬБРЕХТА (Москва) и Микола РУДЕНКО (Киев).

Обыски производились по делу № 41045/48-75, но о существовании дела и о том, кто является обвиняемым, сообщено не было. Обыск у В.ТУРЧИНА продолжался более 12 часов. Изъято около 200 наименований, в том числе «Архипелаг ГУЛАГ», т. 1; «Кто сумасшедший?» братьев МЕДВЕДЕВЫХ; личные бумаги и рукописные заметки В.ТУРЧИНА; документы, связанные с его деятельностью председателя советской группы «Международной амнистии» (кроме изданных типографским способом за границей и писем из международного секретариата «Международной амнистии», написанных на бланках этой организации), машинописные копии различных статей, заявлений и т.п.

У В.АЛЬБРЕХТА также изъяты документы, связанные с деятельностью советской группы «Международной амнистии». Сотрудники прокуратуры, производившие обыск, не разрешили АЛЬБРЕХТУ зафиксировать в протоколе обыска свои замечания и вообще вели себя грубо.

Микола РУДЕНКО после обыска был отвезен в камеру предварительного заключения, где провел двое суток, после чего был выпущен с подпиской о невыезде. Его допрашивали сначала как свидетеля, потом – как подозреваемого и, наконец, как обвиняемого по ст. 187-1 УК УССР (соотв. ст. 190-1 УК РСФСР). Основой обвинения служили отобранные у него на обыске его статьи и стихи. Ему ставили в вину его членство в советской группе организации «Международная амнистия», но в протокол это внесено не было.

Следователь добивался от М.РУДЕНКО выхода из советской группы «Международной амнистии». После того как РУДЕНКО сообщил об этом в Москву, следователь взял с него обязательство о неразглашении тайны следствия. В обязательстве было особо оговорено: кроме того, что уже стало известным.

В тот же день 18 апреля и по тому же делу № 1045/48-75 начался обыск в доме Александра ГИНЗБУРГА в г.Таруса Калужской области.

Обыск продолжался 30 часов. В поисках тайников были применены щупы и миноискатели. Обыскавшие отрывали доски от пола, стен и шкафов. По их словам, они искали типографию, рацию, оружие, золото. Тайников в доме не оказалось. Кроме нескольких произведений Самиздата и личных бумаг были изъяты списки и картотека политзаключенных с указанием состава их семей (около 3500 имен), лекарства зарубежных фирм (34 наименования) и расчетные книжки по трем текущим счетам. Как известно (Хр.33), Александр ГИНЗБУРГ открыто занимается организацией материальной помощи политзаключенным и их семьям.

18 апреля по тому же делу № 41045/48-75 был произведен обыск на квартире знакомого Леонида БОРОДИНА. Изъяты две пишущие машинки, рукописный экземпляр «Московского

сборника» № 3 и несколько неполных машинописных экземпляров этого же сборника. Около 5 часов вечера в тот же день издатель «Московского сборника» Леонид БОРОДИН был остановлен на улице сотрудниками КГБ и доставлен на Лубянку, где ему сделали «последнее предостережение». Сотрудник КГБ, выносивший предостережение, назвал «Московский сборник» антисоветским изданием.

Арест Андрея ТВЕРДОХЛЕБОВА и обыски 18 апреля вызвали многочисленные протесты.

18 апреля к генеральному секретарю организации «Международная амнистия» Мартину ЭННАЛСУ и к международной общественности обратился с письмом А.Д.САХАРОВ.

19 апреля в западную прессу отправили письмо А.Д.САХАРОВ и И.Р.ШАФАРЕВИЧ.

20 апреля советская группа «Международной амнистии» направила Председателю Президиума Верховного Совета СССР протест против преследования членов группы и просьбу вернуть «документы Амнистии, изъятые при обыске группы Валентина ТУРЧИНА, а также архив, находившийся в опечатанном властями кабинете А.ТВЕРДОХЛЕБОВА».

«Эти материалы необходимы нам, – говорится далее, – для нормального функционирования группы Международной Амнистии СССР». Под письмом подписались 8 московских членов группы: В.ТУРЧИН, Ю.ОРЛОВ, В.АЛЬБРЕХТ, М.ЛАНДА, В.ВОЙНОВИЧ, В.КОРНИЛОВ, В.СОКОЛОВ и С.ЖЕЛУДКОВ.

В тот же день Т.С.ХОДОРОВИЧ и М.Н.ЛАНДА отправили заявление протеста, адресовав его «Прессе, Радиостанциям Би-би-си, Немецкая волна, Голос Америки, Свобода».

21 апреля Юрий ОРЛОВ, Валентин ТУРЧИН и Татьяна ХОДОРОВИЧ обратились к общественности западных стран:

«Мы хотим предупредить общественность стран Запада, что репрессии против гуманитарных движений, планомерно осуществляемые советскими властями в последнее время – против Международной Амнистии, против религиозных деятелей, против инакомыслящих вообще – являются шагами в сторону скрытой конфронтации с Западом, укрепления тыла такой конфронтации. Окончательное подавление гуманитарных и этических течений в огромном централизованном государстве, в котором каждого гражданина обучали, что «повивальной бабкой истории является насилье», – может дорого обойтись не только нашему, но и другим народам мира.

Мы призываем вас попытаться понять то, от чего вам, возможно, хотелось бы отмахнуться: что жестокая борьба за установление абсолютного идеологического единства в СССР имеет прямое отношение к вашему будущему».

27 апреля было опубликовано следующее письмо с 67 подписями:

«В Москве 18 апреля арестован Андрей ТВЕРДОХЛЕБОВ. Он арестован потому, что имел смелость на протяжении дли-

тельного времени открыто выступать против преследования в СССР инакомыслящих, то есть людей, высказывающих убеждения, отличающиеся от официальных норм.

Сам факт преследования инакомыслящих выглядит чудовищно и напоминает времена инквизиции. Любое государство, а тем более великая держава, которая таким образом преследует своих граждан за их убеждения, покрывает себя позором.

ТВЕРДОХЛЕБОВ обвиняется в распространении антисоветских, клеветнических измышлений. Но именно в клевете обвиняется любой советский гражданин, если он, стремясь помешать произволу или не допустить его повторения в будущем, передает гласности сам факт этого произвола и имена его жертв.

Имя Андрея ТВЕРДОХЛЕБОВА и его благородная деятельность в защиту прав человека широко известны во всем мире.

Сейчас над Андреем ТВЕРДОХЛЕБОВЫМ нависла реальная угроза. Люди всего мира не могут оставаться равнодушными к его судьбе. Они должны поднять голос в его защиту, понимая, что это единственный способ поддержать ТВЕРДОХЛЕБОВА и других советских инакомыслящих в их трудной борьбе за права человека против произвола».

28 мая состоялось заседание московской части советской группы «Международной Амнистии».

В связи с арестом секретаря группы А.ТВЕРДОХЛЕБОВА исполнение его обязанностей временно поручено члену группы В.АЛЬБРЕХТУ. Группа направила послания главе испанского правительства ФРАНКО по поводу ареста драматурга Альфонсо САСТРЕ и президенту Югославии ТИТО с просьбой о помиловании осужденной на три года лишения свободы З.СТОЯНОВИЧ-КОЙИЧ.

ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ УРУГУВАЙ г-ну БОРДАБЕРРИ

Г-н Президент!

В рамках кампании, проводимой Международной Амнистией, я посылаю Вам петицию, подписанную сотнями советскими гражданами, которая призывает Вас разрешить независимому международному органу расследовать обвинения в том, что военная диктатура в Уругвае применяет пытки. Среди подписавших петицию Вы найдете лауреата Нобелевской Премии Мира Андрея Сахарова, таких известных борцов за права человека в СССР, подвергавшихся тюремным заключениям, как Петр Григоренко, Андрей Амальрик и Александр Гинзбург, известных деятелей еврейского движения в СССР, добивавшихся права выезда в Израиль, как Бисалий Губин и Александр Дуня. К сожалению под петицией нет подписи секретаря советской группы Международной Амнистии Андрея Твердохлебова и члена группы Сергея Ковалева, так как они находятся под арестом за свою деятельность в защиту жертв политических репрессий. Ковалев приговорен к 7 годам тюремного заключения, а суд над Твердохлебовым должен состояться в ближайшие дни.

Сообщения о пытках в Вашей стране, письмо г-на Сальмара Бельби об убийстве его сына и другие документы не могут оставить равнодушным гуманного человека в любой стране. Никто не должен подвергаться унижительному обращению и пыткам; каждый человек должен иметь право на выражение своих взглядов и свободу передвижения. Только в том случае, если люди всех стран мира, всех национальностей и политических убеждений будут поддерживать друг друга в борьбе за соблюдение этих великих принципов, может человечество рассчитывать на лучшее будущее.

Прошу Вас, г-н Президент, считать это обращение свидетельством глубокого уважения и дружеских чувств к народу Вашей страны.

Председатель советской группы Международной Амнистии

23 марта 1976 г.
Москва

Валентин Турчин